

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет, Минск

V. Ostroga

Belarusian state technological University, Minsk

УДК 37(476)(091)“18/19”

**УЧИТЕЛЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

**TEACHERS OF SECONDARY EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS OF BELARUS AS A SOCIAL GROUP
(SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY)**

В статье рассматривается проблема формирования учителей средних учебных заведений Беларуси как социальной группы во второй половине XIX – начале XX вв. Преподаватели составляли значительную часть буржуазной интеллигенции и по своему социальному статусу приближаясь к среднему чиновничеству. Показана эволюция численности учительского корпуса, его уровень образования, возраст, семейное положение, а также сословный, гендерный и национально-конфессиональный состав. Исследование проведено на основе анализа статистических и архивных материалов. К сожалению, развернутую и полную характеристику учительству как социальной группе представить сложно по причине недостатка соответствующих источников.

Ключевые слова: социальная группа; интеллигенция; учительство; средние учебные заведения; Виленский учебный округ; образование; социальный статус.

The article deals with the problem of formation of secondary school teachers in Belarus as a social group in the second half of XIX – EARLY XX century. Teachers made up a significant part of the bourgeois intelligentsia and their social status is close to the average official. The article shows the evolution of the number of teachers, their level of education, age, marital status, as well as class, gender, and national-confessional composition. The study is based on the analysis of statistical and archival materials. Unfortunately, it is difficult to provide a detailed and complete description of teachers as a social group due to the lack of relevant sources.

Key words: social group; intellectuals; teaching; secondary schools; Vilna school district; education; social status.

В современном обществе образование выступает в качестве фундамента поступательного развития всех сфер жизни, своеобразного двигателя прогресса. Модернизационные процессы зачастую сопряжены с поиском не только нестандартных, но порой альтернативных или уже даже забытых путей и форм развития, конкретных направлений политики. В этой связи возрастает интерес к опыту прошлого, встает задача критического переосмысления достигнутых результатов и негативных тенденций в сфере образования, тем более, что многие явления того времени сохранили свою актуальность и свойственны современной социально-педагогической действительности.

Вторая половина XIX в. – начало XX в. характеризуется сложностью и противоречивостью происходивших в Российской империи процессов,

в силу чего основные тенденции и направления эволюции образования следует рассматривать в контексте ее политического и социально-экономического развития. В Беларуси существовала лишь немногочисленная прослойка интеллигенции, которая не являлась однородным социальным слоем и была занята в различных областях общественной жизни. К данной общности относились чиновники государственного аппарата, инженеры, адвокаты, офицеры, врачи, управляющие предприятиями, учителя. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. интеллигенция представляла собой тонкий социальный слой – 54 663 человек (0,64 % всего населения) [1, с. 15].

Большую часть интеллигенции Российской империи рассматриваемого периода составляло учительство. Для определения конкретных статистических данных, в том числе и численности учительства, следует обратиться к материалам переписи учебных заведений, которая была проведена в 1880 г., где зафиксировано как общее (номинальное) количество учительских должностей, так и «действительное число учащихся» в мужских и женских учебных заведениях. Некоторая разбежка в сторону уменьшения объяснялась распространенной в то время практикой совместительства. Всего на службе в мужских и женских средних учебных заведениях России в 1880 г. состояло 7530 человек (число ставок – 9300). В Виленском учебном округе в это время учительский корпус насчитывал 456 человек, которые распределяли 510 ставок, в том числе: в Виленской губернии на службе состояло 95 учителей (116 ставок); в Витебской 85 учителей (87 ставок); в Гродненской 63 учителя (73 ставки); в Ковенской 49 учителей (52 ставки); в Минской 91 учитель (107 ставок); в Могилевской 73 учителя (75 ставок) [2, с. 426–427].

В последующие годы наблюдался очевидный рост численности педагогов гимназий, прогимназий и реальных училищ, что непосредственно связано с расширением сети учебных заведений. Как свидетельствует статистика, в 1894 г. в России функционировало 657 учебных заведений, в 1913 г. их количество увеличилось примерно в 3 раза и составило 1719. Так, в 1894 г. во всех средних учебных заведениях России на службе состояли 9 152 педагога, в 1897 г. – 10 097, в 1907–18 178, в 1913 г – 28 808. В 1914 г. в Виленском учебном округе работала 31 мужская гимназия (731 служащий), 42 женские (1147 служащий) и 11 реальных училищ (280 служащих) [3].

На наш взгляд, важное значение и большой интерес представляет вопрос об образовательном цензе учителей, так как именно он определяет способность к выполнению непосредственных должностных обязанностей. В значительной степени по уровню знаний, умений и навыков учителей можно судить и о качестве преподавания. Согласно уставу, в средних учебных заведениях должности преподавателей наук и языков занимали лица, имевшие «одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса и выдержавшие установленное на звание учителя гимназии испытание». Исключение было сделано для преподавателей немецкого и французского языков: ими могли быть также и лица без высшего образования, но «вы-

державшие особое испытание на звание учителей новых языков в гимназии и достаточно знающие русский язык» [4, с. 11].

По данным переписи 1880 г., в средних учебных заведениях России с высшим образованием работало 51,6 % педагогов, которые закончили университеты, педагогические институты, духовные академии и другие высшие учебные заведения. В Виленском учебном округе 221 учитель имел высшее образование, что составляло 48,5 % от общего количества «учащих». Остальные преподаватели получили образование в духовных семинариях, средних и специальных учебных заведениях, совсем незначительное количество из них имели домашнее образование или диплом об окончании заграничных учебных заведений [2, с. 448–449].

В архивах сохранились формулярные (именные) списки преподавателей учебных заведений, которые содержат интересную информацию о штате преподавателей, их классовых чинах, уровне образования и вероисповедании. Например, в Брест-Литовской прогимназии в 1890 г. степень подготовки преподавателей с чисто формальной стороны не вызывал никаких сомнений: инспектор В. Роменский окончил Московский университет; учитель истории и географии М. Хныкин – Харьковский; учителя русского, латинского и греческого языков Ф. Попов – Санкт-Петербургский, а С. Петров – Нежинский институт; учитель математики О. Иванов – Санкт-Петербургский университет. В штате состояло еще пять учителей: учитель немецкого и французского языков А. Кауюжен, имевший звание домашнего учителя; учитель чистописания и рисования И. Пегиков, который окончил Московское Строгановское училище; учитель подготовительного класса Ф. Смельницкий – Черниговскую духовную семинарию; учитель пения В. Тиминский – Виленское духовное училище; учитель гимнастики А. Ковицкий – Слуцкое духовное училище [5, л. 4–5]. В 1915/16 учебном году штат служащих Могилевской мужской гимназии, которую возглавлял действительный штатский советник Свирилин И. В., насчитывал 35 служащих, из которых 30 человек являлись преподавателями. Большинство «учителей наук» являлись выпускниками Московского, Петербургского и Юрьевского университетов [6, л. 9].

Различные постановления и предписания ограничивали допуск к педагогической деятельности лиц неправославной веры. Согласно переписи 1880 г., во всех средних учебных заведениях Беларуси преподавали лица православной веры, были также протестанты и католики. Представителей других конфессий не зафиксировано. Например, в Витебской губернии среди учителей православных было 72 человека, 10 протестантов и 3 католика; в Гродненской – 48 православных, 12 протестантов и 3 католика; в Минской – 73 православных, 12 протестантов и 6 католиков; в Могилевской – 66 православных, 5 протестантов и 2 католика [2, с. 442–443]. Так, анализ данных в формулярных списках служащих в Витебской частной мужской гимназии И. В. Неруша за 1908 г. показывает, что практически все служащие были православного вероисповедания. Исключение составляли

два законоучителя (преподаватели Закона Божьего римско-католического исповедания и Закона Божьего еврейской веры) и учительница немецкого языка М. Полянская (евангелическо-лютеранской веры) [7, л. 18–19].

Национальный состав учительской интеллигенции не совпадал с этнической структурой населения белорусских губерний. В начале 1860-х попечитель Виленского учебного округа И. Корнилов отмечал, «чтобы показать, до какой степени край был ополячен, достаточно сказать, что даже теперь в наших гимназиях и прогимназиях на 240 учителей только 80 русских и немцев; в семи уездных училищах процент польских учителей такой же, а в приходских училищах почти все учителя – поляки». На 1 января 1864 г. из 114 учителей, служивших в приходских училищах, 91 человек из них по национальности был поляком. Исходя из политических причин, после восстания 1863–64 гг. И. П. Корнилов в записке генерал-губернатору М. Н. Муравьеву «О замене польских учителей русскими» (12 июля 1864 г.) указывал, что учителями из России должны быть заменены в первую очередь все преподавательские места в гимназиях, прогимназиях и трехклассных уездных училищах [8, с. 82]. В архиве сохранилось предложение попечителя Виленского учебного округа директорам учебных заведений, в котором говорилось: «Считаю нужным напомнить... что по существующим законораспоряжениям к преподаванию русского языка, истории и географии в старших классах гимназии (начиная с 5-го) в средних учебных заведениях округа должны допускаться с надлежащего распоряжения лишь лица русского происхождения» [9, л. 1]. На преподавательские должности путем «усиленного содержания», различных надбавок, льгот и преимуществ активно рекрутировались выпускники учебных заведений «чисто-русского происхождения» из центральной России. Незначительное количество учителей, в первую очередь «древних и новых языков», имевших звание учителя или учительницы гимназии, были иностранцами подданными (немцы, австрийцы, поляки, чехи, французы и др.). Согласно данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г. только 20 % учителей белорусских губерний считали себя белорусами. Например, в 1910-е гг. преподавательский персонал Витебской губернии состоял практически из русских (сюда включались и белорусы) и православных – 97,5 % [10, с. 64.].

К преподавательской деятельности допускались лица всех сословий. Но так как гимназии и реальные училища открывались в первую очередь для состоятельных слоев населения, должное внимание обращали и на их социальное происхождение. Преподаватели средней школы были детьми дворян и зажиточных слоев городской буржуазии, которые могли обеспечить им должное образование и воспитание. Перепись 1880 г. показывает, как распределились «учащие» Виленского учебного округа по сословиям: 32 из них – дети потомственных дворян, 118 – личных дворян и чиновников, 187 – священников и церковнослужителей, 18 – почетных граждан и купцов, 43 – мещан и цеховых, 25 – их крестьянских семей, 33 – представители других

сословий [2, с. 436–437]. Достоверные сведения о сословном составе учителей гимназий, прогимназий и реальных училищ более позднего периода отсутствуют. Для сравнения приведем данные социального состава учителей начальных школ, который был в основном мелкобуржуазным. Анализ статистических данных за 1880 г. и за 1911 г. (Однодневная перепись начальных школ империи) показывает, что дворяне составляли соответственно 10,9 и 6,7 %, лица духовного звания – 37, 8 и 22 %, крестьяне (в основном из зажиточных семей) – 30,2 и 40,8 %, мещане – 10 и 17 %. [11, с. 15]. Более поздняя статистика в основном подтверждала эту картину. Таким образом, во всех типах учебных заведений наблюдалась тенденция демократизации учительского корпуса: постепенного сокращения количества учителей из дворян и духовенства и увеличения из крестьян и мещан.

Достаточно сложно определить и гендерный состав средних учебных заведений, так как соответствующий статистический учет и министерскими чиновниками, и руководством Виленского учебного округа практически не осуществлялся. В младших классах женских гимназий женщины-учительницы по количеству преобладали уже в 1870-е гг. Но до 1898 г. они не имели права работать в мужских гимназиях и прогимназиях. В 1911 г. женщины получили возможность сдавать экзамены в объеме курса высшего учебного заведения на звание учительницы средних учебных заведений. Таким образом для женщин открылась возможность социальной реализации и получения самостоятельного заработка. В 1880 г. во всей средней школе женщины составляли примерно четвертую часть от общего числа педагогов империи. В Виленском учебном округе на службе состояло 367 учителей и 89 учительниц. Больше всего женщин трудилось в Виленской губернии – 27 человек. Быстрая феминизация учительских кадров наблюдается с начала XX в. Этот процесс хорошо виден на примере Могилевской женской гимназии. В 1864 г. в этом учебном заведении, согласно именному списку служащих лиц, работали только две женщины – главная надзирательница Е. Н. Львова и классная надзирательница А. Н. Львова. Инспектор, законоучитель и все «учителя наук» – лица мужского пола [12, л. 33–34]. В 1904 г. в той же Могилевской женской гимназии «служащих по учебной части» было уже 31, в том числе 14 учителей и 17 учительниц. Среди женщин-педагогов было 5 классных надзирательниц, а также преподавательницы русского и французского языков, математики, географии, пения, музыки, рукоделия и др. [13, л. 14]. Образование в руках женщин находилось и в Гомельской, Рогачевской и других женских гимназиях. В мужских гимназиях количество женщин оставалось незначительным. В основном они состояли на службе в качестве преподавателей языков, некоторые преподавали в младших классах.

По возрасту большинство учителей начальной школы Виленского учебного округа принадлежало к молодежи. После получения соответствующего образования педагогическая деятельность являлась для них первым самостоятельным занятием. В 1880 г. около 77 % учителей работало в возрасте

до 30 лет (как правило, им было по 21–25 лет), в 1911–70 %. Но по причине тяжелого материального положения и условий труда сельские учителя начальных школ не выдерживали длительных сроков службы. Иная картина наблюдалась среди преподавателей средних учебных заведений. В шести губерниях округа в 1880 г. в возрасте до 25 лет работало 68 учителей, с 26 до 30 лет – 112, с 31 до 35–98, с 36 до 40–64, с 41 до 50–65 и старше 51 года – 49 учителей [2, с. 430–431]. Несмотря на значительное количество молодежи, все же «костяк» учительской корпорации как в XIX, так и в начале XX в. составляли преподаватели среднего возраста. Это показывает анализ тменных списков служащих гимназий, отчеты, требовательные ведомости на выдачу жалования и др. [14], [15, л. 125–126]. Что же касается сроков службы, то они были более продолжительными: учительский труд в средней школе относился к разряду высокооплачиваемых (средний оклад составлял около 2500 р.), на педагогов распространялся ряд социальных гарантий и привилегий. Поэтому большинство учителей дорожили своим рабочим местом и находились на службе до выхода на пенсию.

В 1880 г. больше половины учителей начальной школы – 54,5 % и практически все учительницы – 90 % были в числе лиц, которые не состояли в браке. Ситуация не изменилась и в начале XX в.: во всех белорусских губерниях $\frac{3}{4}$ всего преподавательского персонала состояло из холостых учителей и незамужних учительниц. У большинства учителей средней школы имелись семьи. По данным 1880 г. холостыми были 210 учителей, в браке состояло 226 человек и 20 являлись вдовцами [2, с. 430–431]. Что же касается учительниц, то замужние среди них встречались значительно реже: обретая семью, они, как правило, оставляли службу.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. учительство средних учебных заведений белорусских губерний сформировалось как социальная группа, значительно увеличилась ее численность. Вместе с тем, оно не было однородным слоем интеллигенции. Учителя, выпускники университетов и других высших учебных заведений, имели высокий уровень образования, учительницы – среднее образование и хорошие навыки педагогической деятельности, которые обретали в восьмых педагогических классах гимназий. Шел процесс демократизации учительского корпуса: с одной стороны, постепенно увеличилась доля выходцев из непривилегированных сословий, со второй – сокращалось количество детей из семей дворян и чиновников. Отчетливо наблюдалась тенденция феминизации учительской интеллигенции. По национально-конфессиональному составу педагоги, как правило, были русскими и православными. Основная часть учительского персонала находилась в возрастном диапазоне от 30 до 50 лет. Несмотря на преемственность кадров и заметную постоянную тенденцию омоложения учительского корпуса, в первую очередь за счет педагогов-женщин, все же заметной оставалась группа «учащих» пожилого возраста. Достаточно высокие социально-правовой статус и степень материальной

обеспеченности обусловили устойчивость преподавательского состава гимназий, прогимназий и реальных училищ – интеллектуальной элиты губернских и уездных городов.

Список использованных источников

1. *Козляков, В. Е.* К вопросу о численности, структуре и национальному составу интеллигенции Белоруссии в конце XIX – начале XX в / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Сер. 5. – 1998. – Вып. VI. – С. 15–18.

2. Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти губерниях Привислянских по переписи 20-го марта 1880 года / под ред. А. Дубровского. – СПб.: Центр. статистич. комитет министерства внутренних дел, 1888. – 451 с.

3. Отчет по управлению Виленским учебным округом за 1914 г. Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1915. Разд. паг.

4. Устав гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения // Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям Московского учебного округа за 1971–1888 годы с отдельными томами приложений / сост. В. Д. Исаенков. – М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1889. – 526 с.

5. Литовский государственный исторический архив. – Фонд 567. – Оп. 1. – Д. 788. – Отчет по управлению Брест-Литовской прогимназией за 1890 г.

6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2416. – Оп. 1. – Д. 13. – Отчет о состоянии Могилевской мужской гимназии за 1915 и 1916 гг.

7. НИАБ. – Фонд 2623. – Оп. 1. – Д. 7. – Наряд отношениям МНП о доставлении различных сведений и срочных ведомостей, списков служащих гимназии и пр.

8. *Корнилов, И.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы по истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: тип. А. Суворина, 1908. – Вып. 1. – 504 с.

9. НИАБ. – Фонд 2623. – Оп. 1. – Д. 9. – Наряд распоряжений правительства и начальства, циркулярных предписаний.

10. Начальное образование в Витебской губернии в 1912 году. – Витебск: тип. П. А. Подземского, 1915. – 97 с.

11. Однодневная перепись начальных школ в империи. Произведенная 18 января 1911 года. Вып. VIII / Виленский учебный округ / ред. В. И. Покровского. – СПб.: тип т-ва «Екатеринбургское Печатное Дело», 1913–1916. – 134 с.

12. НИАБ. – Фонд 2263. – Оп. 1. – Д. 1. – Циркуляры, отчеты, именные списки, ведомости по гимназии.

13. НИАБ. – Фонд 2263. – Оп. 1. – Д. 22. – Обзорный отчет о состоянии Могилевской женской гимназии с пансионом и циркуляр о рассмотрении отчетов.

14. НИАБ. – Фонд 475. – Оп. 1. – Д. 7. – Сведения о составе гимназии, список личного состава.

15. НИАБ. – Фонд 466. – Оп. 1. – Д. 297. – Отчет по управлению Минской гимназией.

(Дата подачи: 12.02.2020 г.)